

ДАРЬЯ КАЛИНИНА

ИРОНИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

Варенье из мухоморов

Саша и Барон – знаменитый сыщик и его пес

Дарья Калинина

Варенье из мухоморов

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинина Д. А.

Варенье из мухоморов / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
2021 — (Саша и Барон – знаменитый сыщик и его пес)

ISBN 978-5-04-118656-2

Ради своей любимой жены Стас покупает домик в деревне – в глухомани на краю леса, где даже связи нет. А все для того, чтобы жить подальше от горячо любимых тестя и тещи! Стас в Марине души не чает, все ее капризы выполняет – и, казалось бы, вот оно, счастье! Только в этой деревне беспокойно: в лесу пропадают люди, ведь по преданьям старожиллов, возле старой мельницы охотится «лесная девка» – неупокоенный дух, забирающий сельчан к себе в логово...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118656-2

© Калинина Д. А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дарья Калинина

Варенье из мухоморов

© Калинина Д.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Место было волшебное. Он сразу это понял. Стоило выйти из машины и сделать глоток восхитительного, какого-то необычайно сладкого воздуха, как сразу стало ясно, он тут останется надолго или даже навсегда. Бывает, приедешь и чувствуешь – это твое.

Его уже ждали, но он не стал торопиться. Постоял, оглядываясь по сторонам.

Вокруг росли деревья, ветви которых покачивались от ветра, словно приветствуя его приезд. А вот людей почти не было видно. Лишь у стоящей на пологом холме церкви толпились старушки. День был будний, но они откуда-то собрались по своей надобности.

Бабки в чистеньких платочках вплотную обступили высокого, одетого в длинную черную рясу священника и о чем-то с ним толковали. Вид у пожилых женщин был смущенный и взволнованный одновременно, но священник отвечал им спокойно и рассудительно.

Что именно говорил, слышно не было, говорил он вполголоса, а вот женщины были на эмоциях:

- Да как же, батюшка, страшно ведь!
- Поди, живые люди были, и теперь их нету!
- А как до нас доберется?
- И ведь видели!.. Видели же ее!

Священник ответил женщинам снова что-то умиротворяющее, но старушек сказанное не убедило. Они еще плотней обступили, доказывая, что нужно отслужить молебен.

- И не как в прошлый раз, только мы с вами и все, а всем миром молиться будем!

Наверное, Стасу нужно было насторожиться в этот момент и повнимательней послушать, о чем идет речь у бабушек. Тогда удалось бы ему избежать многих неприятностей, но он не стал этого делать.

Некогда Стасу было прислушиваться к чужим разговорам, его уже ждали.

Стаса встречал хозяин дома – рослый, обаятельно улыбающийся здоровяк, который уже давно призывно махал руками, поднимаясь к нему.

– А вот пойдемте, – потянул он своего гостя в сторону и от храма, и от старушек, и от священника, – покажу вам участок.

Хозяин провел Стаса мимо симпатичной, сложенной из калиброванного бревна усадьбы, включающей в себя помимо жилого дома еще и несколько построек – открытую террасу для барбекю или шашлыков, гостевой домик, непонятного назначения сарайчик, снабженный крепким засовом, и пруд.

Усадьба стояла прямо у въезда в деревню и как бы изначально заявляла о том, что является первым и главным домом над всеми остальными. Именно у этого дома был самый большой участок, самый красивый дом и самый внушительный забор.

А вот из посадок тут было негусто. Несколько чахлах яблонь и какие-то кусты без признаков урожая. Зато имелся длинный розарий, тянувшийся вдоль всего забора. Все розы были первогодками, но необрезанные и неухоженные. Стас это сразу отметил.

В их маленьком саду тоже росли розы, но выглядели они совершенно иначе. Все покрытые молодой глянцевицей порослью, они в это время года были усыпаны бутонами. Жена обязательно подрезала розы после каждого цветения, она не терпела сухих лепестков и утверждала, что после обрезки розы скоро начнут цвести снова, а без обрезки – фигушки.

Участок, который предлагался к продаже, показался Стасу огромным. Двадцать шесть соток после их шести казались настоящим королевством.

Он даже растерялся вначале, как использовать всю эту землю? Прежние хозяева не особенно-то задумывались о рациональном хозяйствовании. Лепили все что ни попадя. Яблони,

сливы, крыжовник и смородина. Все больное, с редкой бледной листвой, практически лишенное плодов.

Хозяину, видно, и самому было неловко за свой неказистый урожай, он пытался оправдаться сам и оправдать деревья, объяснял:

– В прошлом году от яблок ветки ломались, а в этом почему-то ни одного.

Что же, могло быть и такое. Год на год у яблони не приходится, особенно если не уделять дереву заботы и не давать ему должного ухода.

И все же Стас невольно вспомнил, что у них в саду даже самые старые яблони плодоносили ежегодно. Но он тут же отогнал непрошеное чувство сожаления.

Нет, они решили, что переберутся жить в деревню, так нечего теперь жалеть. Тут они с женой будут сами себе хозяева, а там, откуда Стас пытался сбежать, ему приходилось помнить, что он всего лишь чужак, зять и зять нелюбимый. А в таких условиях ни розы не радовали, ни огромные яблоки, пусть даже они и были размером с кулак взрослого мужчины.

Сам домик, предлагаемый к продаже, Стасу понравился. Он был невелик, но срублен из крепких бревен, и было видно, что строили его, как говорится, «для себя». Фундамент был крепкий, в подвале сухо, на чердаке сквозь крышу небо не виднелось, что было само по себе уже здорово. И самое главное, что дом как-то сразу показался Стасу «своим». Не было в нем ни помпезности, ни убогости, добротный середняцкий дом, какой им и был нужен.

Цена тоже устраивала. Была она невелика, благо деревня находилась в отдаленном районе, и места тут были глухие.

В деревне имелись всего три дороги, две вели в лес, одна на грунтовку, проехав по которой километров сорок можно было оказаться уже на шоссе.

– А как с магазином?

– Магазин есть в Силино.

Силино – это была соседняя деревня, до которой нужно было топать добрых шесть километров. За хлебушком не набегаешься.

– Автолавка приезжает, – порадовал хозяин, но тут же чистосердечно признался: – Правда, не каждый день.

– А сообщение? Если без машины добираться, то как?

– Автобус приходит три раза...

– В день?

– В неделю.

Стас решил, что ослышался, наверное, этот человек все-таки хотел сказать три раза в день.

Но хозяин подтвердил:

– Понедельник, среда и пятница.

Стас вышел из дома, чувствуя, что ему нужно осмыслить эту информацию. К тому же в доме почему-то не брала связь. Ничего, так бывает.

Но и на улице лучше не стало. Позвонить домой жене он не мог.

– А как бы мне домой позвонить?

– Вы на елку забирайтесь.

Стас решил, что это какая-то шутка. Но хозяин показал на высокую ель, растущую на поляне перед домом, и повторил:

– На макушке этого дерева лучше всего ловит. Лезьте! Если там не дозвонитесь, значит, нигде не сможете.

Лезть на дерево Стас отказался. Ему хотелось обдумать то, что он увидел.

В деревне не было связи, не было интернета, не было магазина и нормального сообщения, но зато имелаась церковь, и не просто церковь, а большой, недавно отреставрированный храм. Этот храм мог вместить в себя несколько сотен человек, и все это в деревне, где с трудом

насчитывалось тридцать домов, из которых хозяева жили разве что в половине. Да и то как жили? Наездами. Приехать, собрать грибов и ягод и снова назад к своим городским делам.

Они с женой хотели иначе. Поселиться на ПМЖ. Завести птицу и скотину. Начать с куриц, дойти до коров. Жена говорила что-то про альпийских коз, способных давать по пять литров молока ежедневно.

Он был согласен и на кур, и на коз, и даже на корову. Он любил свою жену так сильно, что готов был ради нее даже приобрести донского скакуна, о котором она тоже поговаривала.

Правда, для дончака места на этом участке было уже маловато, да и травы на окрестных полях не внушали уверенности, что коню тут будет чем питаться. Но не беда, всегда можно отрезать у леса немного земли, распахать и засеять овсом или ячменем. Это же деревня, тут никого такие вещи не смущают.

Пройдя по деревне, Стас невольно отметил, что никто тут особенно не убивается, желая вырастить урожай побольше. Оно и понятно, зачем выплясывать возле чахлой смородины или крыжовника, если всегда можно пойти в лес и спокойно набрать там пару лукошек свежей черники, морошки или даже земляники. А уж про клюкву тут и говорить не приходилось. Вокруг были такие болота, что клюквы тут должно было быть хоть завались.

– Мы на ягодах в свое время машину купили, – подтвердил хозяин, впавший в странную задумчивость. – В одну руку ведро, в другую руку ведро, за спину рюкзак пристроишь, в нем тоже ведро, и топаешь восемь километров. В иной год по пятнадцать килограммов лесной земляники за раз собирали и это семьей из пяти человек – трое взрослых, мой батя, жена и я, а с нами двое пацанов – мои сыновья.

– Значит, этот дом ваше родовое гнездо. Вам не жалко продавать?

– Жалко не жалко, а земля требует присмотра, – со вздохом произнес хозяин. – А я не могу, у меня у тещи дом. Там и пашу.

А вот Стас, напротив, из дома тещи с тестем как раз планировал бежать.

Потом вышли на берег озера. И это окончательно решило все дело.

С озера дул свежий ветерок, который поднимал на озере легкую рябь. На этих волнах качались белые озерные лилии, напоминающие миниатюрные цветы лотоса. Это вам не затрапезные желтые кувшинки, которых всюду навалом.

И лилии буквально покорили Стаса. Он уже видел, как дарит их своей любимой Маринке, каким ярким светом горят ее глаза, когда муж преподносит ей букет этих озерных красавиц.

Хозяин что-то такое почувствовал, потому что спросил с надеждой в голосе:

– Ну что? Нравится?

– Да, все отлично. Цена устраивает.

Они ударили по рукам. Стас старался не думать, как дома отнесутся к его сделке. Не спросив мнения жены, он купил дом в такой глуши, где не было даже радио.

И все равно Стас был уверен: он поступил правильно. Пусть в их новом доме не было многого из благ цивилизации, к которым они привыкли, но зато в непосредственной близости имелся приход с собственным батюшкой. Да еще с таким батюшкой, который жил в этой же деревне.

Стасу это показалось равноценной заменой. Теперь оставалось лишь убедить в этом еще и жену, а самое главное – всю ее родню. А это, как подозревал Стас, будет делом непростым.

Всякое нововведение, исходившее от Стаса, воспринималось родными Марины в лучшем случае с недоверием, а в худшем – с открытой враждебностью.

– Ничего, – старался не падать духом Стас. – Прорвемся! Марину я уговорю, а ее родители... Ну не станут же отец с матерью вязать свою дочь по рукам и ногам, лишь бы не пустить со мной. Поворчат, да и успокоятся.

Так он думал и, как показало время, очень сильно ошибался.

В следующий раз они приехали в Борки уже после заключения сделки.

Стас постарался описать жене все в самых радужных красках, но, кажется, она ему не поверила. Кое-какие детали все же проскочили в словах Стаса, и Марина потребовала, чтобы с ними поехал кто-нибудь из ее семьи, чтобы на месте принять окончательное решение.

– Тебе моего слова недостаточно? – обижался Стас. – Я маме рассказал, она в восторге.

– А мои – нет, и это о многом говорит.

Членов своей семьи Марина считала людьми здравомыслящими, к мнению которых стоило прислушаться, чтобы не попасть впросак. А семью Стаса его жена почти сразу восприняла как неких убогих и обиженных жизнью, над которыми нужно срочно взять шефство.

И взяла, и небезуспешно. Но уважения к ним это ей не прибавило.

Стас не возражал, семья у них и впрямь была с чудиной.

Мама – художница, за все время своей творческой активности не продавшая ни одного полотна, но зато с удовольствием раздаривающая их всем родным и близким. Папа был геолог, всю свою жизнь пропадавший в экспедициях, да так основательно, что после одной из них пропал совсем. Правда, после месяца тщательных поисков в дальних диких горах они обнаружили его неожиданно совсем близко. Папа обитал в доме поварихи, с которой слишком крепко «сдружился» в очередной экспедиции.

Но это была уже другая история, вспоминать о которой Стас не любил. Его отец потом еще много раз ездил в экспедиции и всякий раз возвращался с другой и к другой. В конце концов, мама заявила, что ей это надоело, отправилась вместе с отцом в очередную экспедицию и назад привезла домой отца, который, как она выразилась, ей достался в честной борьбе, как переходящий из рук в руки кубок победителя.

Братья у Стаса были музыкантами, Лека был человек-оркестр, Гога пел. У него был красивый голос, от звука которого у людей сердца начинали биться чаще.

Вдвоем братья уже не первый год бродяжничали по стране, изредка возвращаясь в родной дом, привозя из дальних странствий множество увлекательных баек и запахов.

Нет, никто в их семье не мог вызвать у Марины прилив уважения. И где-то Стас понимал жену.

Марина была экономистом. Ее папа был инженером, проектировал горнодобывающие комплексы. Дед ушел в отставку полковником. Все мужчины в семье Марины всегда учились серьезным, основательным профессиям. Даже просто гуманитариев среди них не водилось. А уж чтобы бродяжничать и петь, такое им даже в голову не могло прийти. Из всей семьи в ванной пел только один дед, да и тот исполнял свой репертуар лишь раз в году на День Победы девятого мая.

Стас точно знал, что никто из родных Марины не одобрил его выбор. Эти люди никогда не шли на поводу у сиюминутного порыва. А объяснения Стаса, что он купил дом, потому что ему понравились здешние озерные лилии, сочли бы бредом сумасшедшего. И чего доброго, потребовали бы от Марины, чтобы она развелась с ним.

Лучше бы никто из их семьи с ними не ездил. Он так и сказал жене.

Но Марина твердо держалась своей позиции:

– Нет, кто-то из моих должен будет поехать. Мои хотят узнать, как там все устроено. Пусть узнают и успокоятся.

– Разве недостаточно того, что я все рассказал и показал фотографии?

Марина в ответ лишь фыркнула. Конечно, этого было недостаточно. Для ее родителей слова были лишь поводом для тревоги.

– Тогда пусть поедет Сашка! – попросил Стас.

К двоюродному брату Марины он питал что-то похожее на симпатию. Вся прочая мужская часть семьи Марины вызывали у Стаса чувство, которое сам он вслух называл робостью, в душе при этом понимая, что оно куда больше похоже на откровенный страх.

Марина согласилась.

– Сашка так Сашка. Отец все равно не может. Дед занят в ветеранской организации. Поедем с Сашей! Я заметила, что ты с ним подружился. Я очень рада. Саша человек положительный, от него ты ничего дурного понабраться не сможешь.

Это надо было понимать таким образом, что от собственных родственничков Стас может приволочь все, включая блох и чесотку.

Но он не мог упрекать Марину. Если вспомнить, как вели себя его братья на свадьбе, то все становилось ясно, у Марины были веские основания, чтобы с недоверием относиться к этим двоим чудикам.

На свадьбу, кстати говоря, Стас своих братьев не приглашал, не потому что он такой плохой и хотел оставить братьев за бортом своей семейной жизни.

Нет, он просто элементарно не знал, как с ними связаться. Но братья сами каким-то образом узнали про его свадьбу и заявили как раз в тот самый торжественный момент, когда тесть готовился произнести свой первый тост «за молодых».

Гога с Лекой всегда были чужды условностей, заявили, как были, с дороги, при полном своем артистическом облачении: в дредах, свисавших у одного до плеч, а у другого чуть ли не до лопаток. Братья были в грязной потрепанной одежде, да еще увешанные звенящими амулетами, подаренными их друзьями «на удачу».

Заявились они вместе со своими музыкальными инструментами, и поэтому сперва гости со стороны невесты решили, что это музыканты, которых пригласили на свадьбу. И Стасу тут же намекнули, что выбор музыки хорошо бы предварительно согласовать с остальными.

Когда же выяснилось, что это приехала вовсе не музыка, а очередные гости, то Стасу стало совсем неудобно.

Нет, его братьев не выгнали, все-таки родня Марины состояла из воспитанных, но как же смотрели на них гости со стороны невесты! Да и сама невеста, если честно, поглядывала на будущих родственников совсем неласково. Так неласково, что Стасу до сих пор бывало не по себе от этих воспоминаний.

Дом Марине не понравился. Это было видно невооруженным глазом.

– Как тут грязно! – воскликнула она с брезгливостью. – Кто тут жил до нас?

– Человек.

– Это понятно. Что за человек?

– Разве это важно?

– Ты не разузнал?!

Жена смотрела на него прямо в упор. Стас никогда не мог выдержать этого ее взгляда, он отвел глаза и в этот раз.

– Кажется, какой-то старик. Дом продавал его сын.

– Один жил?

– Один.

– То-то оно и видно.

В этот момент Марина обнаружила гранулы крысиной отравы и сморщила нос:

– Фу-у! Тут еще и мыши есть!

Стас не ответил, ему помешал Саша. Тот как раз в этот момент вошел в дверь, поэтому услышал лишь последнюю часть их разговора.

– Ага! – радостно подтвердил он. – И мыши водятся, и кроты, а еще лисы, хорьки и зайцы! Лично я одного видел только что за огородом. Барон за ним погнался, и мне стоило большого труда отозвать собаку назад.

– Поймал? – заинтересовался Стас, который был только рад сменить тему разговора.

– Где же его поймал? Заяц тут местный, все ходы-выходы знает. Улизнул в какую-то дыру, Барон только земли да грязи наглотался. Но зато бабулька – соседка, которая на шум вышла, рассказала, что вчера к нам приходила медведица с медвежонком.

Марина выпучила глаза.

– Куда это к нам? Прямо домой?

– Ну, не домой, понятное дело, медведица по саду бродила. Забора-то нет. Говорят, эту медведицу прежний хозяин подкармливал, вот она в гости и повадилась заходить.

Стас осторожно покосился на жену. Как она перенесет эту новость? Зайцы, мыши, а теперь еще и медведи – не слишком ли много для первого раза для Марины?

Лицо у Марины было такое, что лучше бы он и не смотрел.

Стас попытался как можно незаметней выскользнуть из дома, но жена преградила ему дорогу.

– Куда ты меня привез! – воскликнула она. – Это же жуткая дыра!

– Ты просто еще не видела здешнего леса, – возразил Саша. – Это сказка!

Но Марина в ответ затопала ногами:

– Кошмар! Болото! А на болоте комары! Вот такие!

И Марина показала комара размером с приличную курицу.

Стас понял, что с женой сейчас лучше не разговаривать.

Саша это тоже понял, потому что сказал:

– Ладно, ты тут в доме обживайся, а мы пока воду наладим.

– Что? – ахнула Марина. – И воды тоже нет?

– Почему нет, воды полно.

– И в чем проблема?

– Но она же вся в колодце. А насоса нет. И ведра нет. Так что мы пока придумаем, как воду достать, а ты вещи распаковывай.

– Ни на минуту не останусь в этом месте! – твердо заявила Марина.

Но к тому времени, когда Саша со Стасом вернулись с полными воды ведрами, вещи уже были разложены, и даже на столе стояла тарелка с бутербродами.

Они заварили чаю на колодезной воде, которая и впрямь оказалась очень вкусной. Не соврал прежний хозяин, вода была изумительная. И Марина подобрела.

– Раз пути назад нет, сделку ты уже совершил, придется обживаться, – вздохнув, признала она неоспоримый факт. – Сейчас я напишу список всего необходимого, что нужно будет заказать в городе.

И хотя первым в списке фигурировал холодильник, а следом за ним двуспальная кровать, люстра, настенное зеркало и мебель для кухни, Стас считал, что еще легко отделался. Да еще кухню Марина милостиво разрешила брать модульную, чтобы не ждать, пока мастера изготовят по их размерам кухню под заказ.

– Но воду ты мне проведешь в дом! – твердо сказала она. – И бойлер поставим. Не желаю дрягаться в ледяной воде. Ах! Я же посудомойку забыла указать! И стиралку тоже нужно. Странно, что я не вижу дома даже выходов для стиралки.

– Потому что их тут и нет.

– И как прежние хозяева со стиркой разбирались?

Стас решил, что пока не станет упоминать о стоящей на берегу озера баньке, в которой жена прежнего хозяина и грела воду для стирки, полоща затем белье прямо в прохладной озерной водичке. О том, что воды в колодце слишком мало, чтобы завести полноценный цикл стирки на машине, Стас упоминать тоже не стал. Пусть все эти открытия жена делает постепенно.

Он видел, что, в отличие от жены, ее брату все тут очень нравится.

Саша был в настоящем восторге. Про Барона и говорить не приходилось. Пес носился по огромному участку, пытаясь ловить любопытных трясогузок, прилетевших взглянуть на новичков, вздумавших поселиться в их местах.

Трясогузки увертывались от острых зубов Барона, но делали это с заметным трудом и как-то даже с удивлением.

Как это их, старожилов и давних обитателей этих мест, смеет гонять какая-то пришлая собака!

Птички были совсем непуганые, и к тому же они никак не ждали такой прыти от собаки. Прежде им доводилось видеть лишь лаек и овчарок, которые никак не могли тягаться с Бароном в ловкости и проворстве.

Новая игра понравилась всем. Трясогузки вошли во вкус и далеко не улетали. Они лишь перепархивали с места на место, поднимаясь с земли перед самым носом собаки. А Барон то носился за ними до изнеможения, то устраивал на птиц засады, то просто кувыркался на траве, всем телом впитывая в себя новые вкусные запахи окружающего его мира.

Он даже нашел старую собачью будку, над входом в которую красовалась наполовину стершаяся, но все еще читаемая надпись «Добро пожаловать!».

– Да, Бароша, – сказал Саша спаниелю, недоуменно обнюхивающему странное сооружение. – Вот в таких будках живут некоторые собаки. И летом, и зимой, и в холод, и в жару, все в будке. Лишь в лютую стужу их могут пустить в дом. Это не ты, городской житель.

Первую вылазку в лес они сделали сразу же после еды. Стас просто не мог дождаться, когда осмотрит свои новые уголья. Про Сашу с Бароном нечего было и говорить. Оба они только и думали, как бы им поскорее оказаться в лесу, выйти на берег речки, пройтись вдоль нее до озера.

Наврав Марине с три короба, что сегодня они в магазин уже все равно не успеют, мужчины удрали в лес, предоставив любимой жене и сестре осваиваться с мыслью, что, по крайней мере, эту ночь им придется провести на старых кроватях с панцирными сетками и трогательными никелированными шишечками.

Глава 2

На выходе из деревни им навстречу вышла средних лет женщина с маленькой кривоногой собачкой, в роду у которой явно были мопсы.

Увидев Барона, она охнула и подхватила собачонку на руки.

– Не бойтесь, он не укусит.

– Да этого я как раз и не боюсь, – улыбнулась женщина. – Но у вас же мальчик? А уж очень моя Матильда до противоположного пола охоча. Как бы чего не вышло.

И она засмеялась, многозначительно поглядывая на ребят. Мол, понимаете, к чему я клоню?

Дамочка и сама была той еще штучкой. Накрашена ярко, все пальцы в золотых и серебряных перстнях, абсолютно никак не сочетающихся между собой по стилю. На ногах у дамы были красные резиновые сапожки, одетые прямо на теплые махровые гольфы, у колен увенчанные кокетливыми меховыми бомбошками. Свою упитанную филейную часть деревенская красавица затащила в очаровательные штанишки из нежно-голубого пан-бархата.

Что там было выше, Саша даже не осмеливался смотреть, опасался, как бы красotka не восприняла это за попытку познакомиться.

Но женщина и так решила, что знакомства не избежать. Она буквально подсунула Барону свою Матильду.

– Видишь, какая красавица! Любуйся, мальчик!

Но Барон лишь вежливо пошевелил хвостом. Как ни прекрасна была Матильда, зов приключений был сильнее. Пес стремился в лес. Туда же рвались и Саша со Стасом. Но соседке пришла охота поболтать.

– Вы у нас новенькие? В гости к кому-нибудь приехали?

– Нет, купили дом.

– Да? А у кого?

– У отца Георгия.

Стас всего лишь имел в виду, что купленный им дом был построен еще отцом продавца. Но женщина в ответ неожиданно ахнула.

– Неужели?

– Ну да, а в чем дело?

– Господи! – возликовала соседка. – Дождались!

И женщина неистово перекрестилась. Лицо ее осветила искренняя неподдельная радость.

– Ганя! – крикнула она. – Гань! Выгляни сюда на минуточку!

Из окна соседнего дома показалось женское лицо. Оно было обрамлено крутыми химическими кудряшками и носило следы неумеренного употребления горячительных напитков.

– Слышишь, что говорят? Георгий от нас уезжает!

Лицо просияло.

– Ну?! Шутить!

– Да нет! Какое там! Вот и дом продал молодому человеку!

Такие новости заставили Ганю выскочить из дома. Роста в ней было метр пятьдесят, в обхвате она была столько же. Ее торс обтягивал трикотажный костюм, который на груди и бедрах так туго натянулся, что, казалось, одно неловкое движение – и случится катастрофа.

В общем, что хозяйка Матильды, что эта Ганя – подружки друг друга стоили.

– Где? – жадно осведомилась Ганя. – Кто?

Стас стыдливо отвел глаза. Трикотаж был совсем тонкий, а нижнего белья, судя по всему, дама впопыхах не надела.

– Эти?

Хозяйка Матильды кивнула.

– И когда он от нас сваливает? – деловито осведомилась Ганя. – Вряд ли прямо сразу. Я его сегодня видела. Торчит возле своего храма, хрыч старый! Я с озера шла, утреннее омовение у меня было. Настроение прекрасное, как его увидела, все насмарку. Что это, говорит, мимо креста идешь, даже лба не перекрестишь. Дождешься, утянут тебя. Так бы и выдрала ему его косу.

Саша слушал и понимал, что вкралась какая-то ошибка.

Но хозяйка Матильды не дала ему вставить больше ни слова:

– Господи, скорей бы уж! Как же он нам надоел всем! Ни выпить нормально, ни погулять! Вечно припрется и давай бухтеть! Вроде бы и не делает ничего такого и не ругается даже, а веселья как не бывало! Ни петь уже не охота, ни плясать. Выпивка и та в горло не лезет! Вот что за человек такой? Ни себе, ни людям.

– Ничего, недолго нам осталось его терпеть. Коли дом продал, так теперь только на службы приезжать будет. Это еще можно как-то вытерпеть. Когда он целыми днями взад-вперед по деревне шнырял со своими старухами-прихвостнями, тогда хоть вешайся.

– Из старух целую армию сколотил. По деревне уже не пройти. Одна бабка Таня против него оборону держит.

– Бабка Таня и сама не лучше. Как ни встретишься, всегда выговор от нее услышишь. И одеваюсь я непотребно, и веду себя неприлично, и жизнь у меня неправильная. Можно подумать, она одна на всем свете правильная! Всех жизни учит. И чего она тогда со священником собачится! Наоборот, должна быть его правой рукой!

– Вы это про кого говорите? – не выдержал Саша.

– Так про отца Георгия, будь он неладен! Того попа, что вам дом продал.

Стало ясно, где именно вкралась ошибка.

– Нет, нет, – запротестовал Стас, – мы покупали дом у мирянина.

– Не у священника?

– Совершенно мирской человек. Отец у него умер, вот он дом и продает.

– Вы сказали, отец Георгий вам дом продал?

– Я сказал, что я купил дом у отца Георгия. Продавца зовут Георгий. А дом принадлежал его отцу. Им же он был и построен.

Женщины обменялись взглядами. В них читалось страшное разочарование.

Потом хозяйка Матильды произнесла:

– Наверное, это сын того охотника, который этой зимой помер.

– Точно, я слышала, как Динька подкаблунчик хотел у него участок перекупить, а тот мужик не продал.

И женщины вновь обменялись взглядами. Теперь в них читалось куда более сложное чувство, словно эти две знали какую-то тайну, но не собирались делиться ею с чужаками.

– Ну, мы пошли.

Женщины ничего не ответили, лишь проводили охотников загадочными взглядами.

– К развалинам мельницы не ходите, – внезапно сказала им вслед Ганя.

– Почему?

– Да так...

Ганя явно замялась с ответом. Но хозяйка Матильды нашлась быстро:

– Там медведя видели.

Ганя взглянула на нее с удивлением, но подруга моргнула ей, мол, так надо.

Саша решил поддержать разговор:

– Может быть, не медведя, а медведицу с медвежонком?

– Нет, эта своя, почти ручная. А тот медведь чужой.

– А мельница – это где?

Ганя махнула рукой.

– Сначала болото будет, потом горки, а за ними спуск к ручью. Там зверь и обитает. Туда не ходите, поняли?

Саша поблагодарил ее за подробное описание дороги к месту, куда им идти было не надо.

Излишне говорить, что, едва войдя в лес, наши охотники двинулись именно в том направлении, в котором им ходить не советовали. Может быть, для дам в возрасте увидеть медведя казалось делом смертельно опасным, которого следует избегать во что бы то ни стало, но двум молодым, в меру азартным мужчинам дело представлялось несколько в ином свете.

Старую мельницу они нашли быстро. Она стояла на поляне и была хорошо видна изда-лека. От самой мельницы остались лишь сложенный из валунов фундамент и остатки деревянного колеса. Неподалеку плескалась вода, то ли очередное озеро, то ли протока.

Место казалось совершенно глухим, но кто-то тут явно бывал. Этот кто-то и расчистил в лесу небольшую полянку, чтобы можно было без труда подойти к развалинам мельницы.

Друзья тоже подошли и увидели, что под фундаментом есть что-то вроде провала или подвала, который был закрыт массивной деревянной дверью, снабженной прочным засовом, закрытым на увесистый замок.

– Замок. Что-то там хранят.

– Кому могла прийти в голову мысль прятать тут что-то? – изумился Саша.

– Может, припасы кто держит?

– Ближайшее человеческое жилище – это наша деревня. А от нее сюда топтать километров пять-шесть. Не набегаясь за припасами-то!

– Согласен. Тогда что там?

Друзья покрутились возле двери, но так как ключа у них не было, а ломать чужую собственность они не осмелились, некрасиво начинать жизнь на новом месте с мародерства, то они решили оставить решение этой загадки до вечера, когда можно будет расспросить кого-нибудь из деревенских.

– Пошли дальше. Нас ждет косолапый.

Но никакого медведя они так и не встретили. Проболтались по лесу до самого позднего вечера, пару раз заблудились, потом по речке вышли к их озеру, но следов медведя так и не встретили. Были следы лосей, и их было много. Попадались кабанчики, которых подстрелить ничего не стоило. Встречалась пернатая дичь, были зайцы и лисы, а вот следов взрослого медведя не наблюдалось.

– Обманули нас бабы.

– Может, он в другие места перекочевал. У медведей так бывает. Выберут в одном месте все съедобное и перебираются к новым кормовым базам. Допустим, тут ягоды были, он их съел и ушел.

– Ты по сторонам оглянись. Тут ягод столько, что и сотне медведей не справиться.

– На одних ягодах долго не протянешь. После сладенького всегда солененького хочется. Наверное, за мясом потопал.

– Или узнал, что мы за ним идем, и дал деру.

Но шутки шутками, а домой они вернулись не с пустыми руками. Набрали ведро необычайно крупной и сладкой черники и нашли десяток белых грибов, что несколько примирило Марину с фактом их столь долгого отсутствия.

Почти все грибы оказались червивыми, что подвергло охотников новым скептическим высказываниям со стороны их хозяйки. А вот черника была хороша, но ее количество Марина сочла недостаточным.

– Завтра пойдете и наберете в два раза больше, – распорядилась она.

Робкие высказывания, что ягоды – это дело бабское, не произвели на Марину никакого впечатления.

– Я поеду в город за новой мебелью. А хозяйство на вас. И чтобы к моему приезду была и черника собрана, и двор вычищен от всякого хлама. Двор приведем в порядок. Пострижем траву, уберем некоторые деревья. Хорошо бы еще в будущем пристроить к дому застекленную веранду, отделать мансарду и построить гостевой домик.

От перечня предстоящих ему работ Стас несколько закручинился.

– Но это все будет в будущем, – утешила его жена. – А пока избавьтесь от этого хлама!

Под «хламом» Марина понимала сарайчик, в котором прежние хозяева держали дрова. Кроме дров там же на полу валялись рыболовные снасти вперемешку с ржавыми капканами. Имелось и другое охотничье снаряжение. А кроме того, стены украшали распяленные шкурки хорьков, про которых хозяин сказал, что сперва семья этих хищников передумала у них с отцом всех кур, которых пытались разводить. А потом уж отец в отместку за кур с помощью силков переловил зверьков всех до единого.

– Смотри, какие капканы хорошие! – загремел железными, но порядком проржавевшими челюстями Саша.

В глазах его появился блеск, и Стас счел своим долгом напомнить:

– Охота на зверя с капканом признана негуманной и запрещена.

– Одного железа на них сколько! – восхищался Саша. – И цепи. Это на кого они с такими капканами ходили? На медведя, наверное.

Стас вспомнил, с какой теплотой в голосе хозяин говорил о медведице с медвежонком, которая являлась его старой приятельницей, и усомнился в словах родственника.

– И сети до чего странные, – продолжал рыться в вещах охотников Саша. – Как ты считаешь, на какую же рыбу они должны были охотиться с такими крупными ячейками?

– Наверное, на нее.

И Стас указал на голову необычайно крупной щуки, украшавшей стену сарая.

– Нет, даже для нее великовато. Дельфинов они, что ли, ловили? И зачем эти блямбы по краям приделаны?

Саша имел в виду тяжелые металлические пластины, которые были нашиты по краям сети.

– Они же утянут сеть на дно.

– Про грузила никогда не слышал?

– Для того чтобы сеть опустилась на дно, достаточно ее собственного веса. Сеть в воде намокает, становится тяжелой и опускается на дно. Если хотят ловить донную рыбу, тогда приделывают груз, но не по килограмму же! Тут на сети железа с добрых два пуда наберется. Такую тяжесть из воды и не вытащишь, лодка перевернется.

Стас давно занялся другими делами, требовалось весь мусор из сарая вынести и как-то его утилизировать. Но Саша не спешил ему помогать, он все еще разглядывал сеть, сидел, перебирал ячейки руками и недоуменно покачивал головой.

Стас взглянул раз, взглянул второй, потом не выдержал и спросил:

– Чем она тебя так заинтересовала?

– Очень уж странная вещь.

– И что в ней странного?

– Вроде бы рыболовецкая сеть, с которой ловят рыбу, но при этом в воде она ни разу не бывала.

– Почему ты так решил? – удивился Стас.

– А ты сам посмотри. Бывший хозяин явно особенным чистоплотством не страдал. Сеть он после использования не чистил, но при этом в ней нет ни водорослей, ни ракушек, ничего такого, что могло бы указывать на то, что сеть побывала в воде хотя бы один раз. Зато в ней полно лесного мха, хвои, засохших веточек ольхи и березы. А эти растения встречаются в лесу на болоте, но никак не в воде.

– Оставь сеть в покое и помоги мне, – попросил его Стас. – А иначе мы и до вечера с тобой не управимся.

Саша сеть бросил, но сделал это с явной неохотой. И помогал он Стасу рассеянно, какая-то мысль прочно засела у него в голове и не давала покоя.

Пока Саша возился с одной полкой, разбирая всякую мелочь, Стас успел очистить целый угол сарая.

Под конец даже Саша заметил это и сказал:

– У тебя одного дело лучше спорится. Может, я в лес схожу? Маринка же велела нам черники набрать.

Стас возражать не стал, но про себя подумал, что не черника тянет родственника в лес. Черника лишь предлог, чтобы оказаться в лесу. Что-то Саша задумал, но что именно, делиться со Стасом не стал. Так и ушел.

А Стас до полудня сортировал хлам, а после полудня приступил к его уничтожению. Притащил старую бочку, в которой и начал жечь все то, что не могло им пригодиться.

Через пару часов вернулась Марина, которая осмотрела отсортированные мужем вещи, после чего куча предназначенного на уничтожение существенно увеличилась.

– Жги все! – решительно приказала супруга. – Нам чужого старья не надо! Своим скоро обзаведемся.

Впрочем, сеть в общий мусор не пошла. Ее Саша куда-то утащил еще до того, как отправиться в лес.

– А где Саша? – спохватилась Марина.

– Чернику собирает по твоему приказу.

– И давно ушел?

Стас прикинул. Получалось, что Саша ушел часов пять назад.

– За это время можно ведро ягод собрать, – обрадовалась Марина. – А какую тару он с собой взял?

– Тару?

– Ну, ведро или бидончик?

Нет, все ведра, бидоны и даже кастрюли оказались на своих местах. То же самое касалось и корзин с лукошками.

– Не в пакет же он будет чернику собирать, – нахмурилась Марина. – В пакете ягода вся помнется. Будем зимой есть черничный джем вперемешку с листиками и лесным мусором!

Но Саша явился вовсе без черники. И кажется, он даже совсем забыл, что именно за ягодой он и ходил в лес.

– Что? – рассеянно переспросил он в ответ на упреки сестры. – Черника? Какая еще черника! Маринка, тут такие дела творятся...

Он недоговорил, так и замер с открытым ртом. Саша смотрел куда-то в сторону озера, которое виднелось сквозь ветви деревьев.

Стас тоже посмотрел в том направлении, но не увидел ничего примечательного, кроме соседа, который выгружался из джипа как раз возле той симпатичной, срубленной из калиброванного бревна усадьбы, которая стояла на входе в деревню.

Соседа звали Денисом, в городе у него был свой бизнес, стройбаза и несколько магазинов строительных товаров поменьше. И дела у Дениса шли хорошо, что вызывало во всех его соседях законную зависть. Так что Дениса в деревне не любили, хотя и уважали.

Это успела рассказать им ближайшая соседка – баба Валя, которая жила в Борках уже несколько лет и всех тут знала.

– Ты собрал чернику или нет?

– Ага, – невпопад ответил ей Саша, который не сводил напряженного взгляда то ли с озера, то ли с соседа. – Так вот, значит, кто там промышляет.

– Ты это о чем?

Саша вздрогнул, как-то странно огляделся по сторонам, словно проверяя, нет ли кого-то поблизости. Потом схватил Стаса и потащил его в дом.

Марина махнула рукой и ушла к соседке, с которой уже успела познакомиться. У соседки была кошка, а у кошки взрослые котята, которых хозяйка мечтала пристроить в хорошие руки.

Марина сочла, что в таком месте, где полно хорьков, крыс и мышей, завести кошку будет делом нелишним.

Так что мужчины могли поговорить наедине и без лишних свидетелей.

– Послушай, что я тебе скажу, – сказал Саша, закрыв входную дверь, – я сегодня снова был у развалин старой мельницы.

– Ты же за черникой отправился.

– Я сначала думал, что и ягод наберу, но когда дошел, у меня ягоды и все другое из головы вылетело.

И Саша принялся рассказывать. Его очень заинтересовали охотничьи снасти, которые им достались от старого хозяина. Но особенно Сашу взволновала сеть с тяжелыми грузилами.

– Я такую сеть видел в кино, с нею на дикого оленя охотились. Подкрадывались к зверю и накидывали на него сеть. Или на деревьях ловушку устраивали. Зверь к приманке подходил, а на него сверху сеть падала. Эти грузы сразу же в ногах у зверя путались, бежать ему мешали, и охотники с легкостью животное догоняли и убивали.

Но особенно Сашу заинтересовала растительность, которой была полна сеть. Помимо хвои и прочего лесного опада, который встречался повсеместно, в ячейках сети запуталась более редкая вещь.

– Это был высохший венерин башмачок. Цветок занесен в Красную книгу, и в этих местах я видел его лишь однажды.

И было это как раз возле входа в подземелье, которое вело куда-то под развалины мельницы.

– Вот я и решил проверить свою догадку, – объяснял Саша. – Хотел прикинуть, как эту сеть могли использовать. Может, удалось бы понять, что за зверя с ее помощью ловили? Лось не лось, для лося вроде как маловата будет. Хотел посмотреть, может, след какой-нибудь бы там, у мельницы, увидел.

Но, не доходя до мельницы километра, Саша уже понял, что сегодня он будет не одинок. К мельнице еще до него кто-то проехал на машине.

– Дорога там, ты сам помнишь, лужа, а под ней рытвина, а за ней овражек. Фиг пройдешь, не то, что проедешь. Нам по лесу пришлось крюк делать, а этот проехал. В общем, я того чувака даже зауважал. Верней, не его самого, а его тачку.

Потом Саша вспомнил про массивные двери с висячим замком, которые преграждали вход в подземелье, и обуяло его любопытство, захотелось ему посмотреть, что за человек обустроил себе в лесу тайный схрон, и если совсем уж повезет, то взглянуть, что этот человек в своем схроне держит.

– В общем, завязал я Барону пасть платком, чтобы случайно не затыкал не ко времени, и велел ему идти со мной рядом. Идем, слушаем, стараемся ступать так, чтобы нас самих слышно не было.

Идти по дороге Саша не рискнул. Там его могли заметить еще за несколько сотен метров. Ему пришлось зайти в лес, в котором он слегка заплутал. И поэтому, когда человеческий голос раздался совсем рядом с ним, даже вздрогнул, потому что никак не ожидал, что уже так близко подобрался к месту.

Впрочем, кто бы ни оказался на пути у Саши, ему хватало своих собственных дел.

– Я сейчас на мельнице, – говорил он кому-то. – Тут все в полном порядке.

– Ты все почистил? – произнес второй голос, который был искажен каким-то странным скрежетом.

– Все убрал, можно привозить следующего агнца божьего.

– Поторопись. У меня сразу трое на примете есть.

– Ого! – развеселился первый. – В очередь уже встают! Идет дело, да, батя?

– Меньше говори, больше делай, сын мой. Словоблудие – есть один из путей, способных низвести человека в геенну огненную.

– Понял, понял, батяня. Так когда мне приступать?

– Приезжай сегодня вечером ко мне, все обсудим.

На этом месте любопытство Саши достигло апогея. Ему до смерти хотелось взглянуть, что происходит за деревьями, кто эти двое, ведущие душеспасительный разговор в столь странном и неподходящем для этого месте.

Но, выглянув, Саша увидел лишь спину одного-единственного мужчины, который прятал в карман рацию. Вот и ответ на вопрос, как в местности, где не брала никакая сотовая связь, люди умудрялись вести разговоры на расстоянии.

– Лица я его не разглядел, зато машину запомнил. Она по дороге мимо кустов, где я спрятался, промчалась, меня всего грязью обдала. И знаешь, что я тебе скажу? Это твой сосед на ней и ехал!

– Какой именно?

Но прежде, чем Саша ответил, Стас уже понял, о каком соседе идет речь. Наверняка это был Денис – хозяин бревенчатой усадьбы, миновать которую было так же необходимо, как и церковь на холме.

Храм божий и усадьба этого человека получались своеобразными сторожами, сканирующими всякого, кто хотел поселиться или просто побывать в их деревне.

– Это он был сегодня в лесу! – возбужденно произнес Саша. – И это его внедорожник обрызгал меня! Я уверен!

– Ну, допустим. И что дальше?

– А то, что после того, как этот тип укатил по своим делам, я снова сунулся к этой мельнице.

– Зачем?

– Хотел посмотреть, что они там прячут.

– И как? Посмотрел?

– Посмотрел.

Стас разинул рот.

– А как? Там же замок! Или он его снял?

– Ага! Счас! Замок был на своем месте. Но и я не прост. У меня был ключ.

– Откуда ты его взял?

– В сарае нашел.

– В моем сарае?

– Да, в нашем сарае. Лежал рядом с сетью и капканами.

– И с чего ты решил, что он подойдет к тому замку?

– Не знаю. Просто венерин башмачок, а он растет возле мельницы. Ключ, который похож на тот, которым можно открыть замок на подвале под мельницей. Короче говоря, я захотел попробовать. И он подошел!

– И что там они прячут под мельницей?

– В том-то и дело, что ничего. Там пусто.

– Совсем?

– Стоят какие-то пустые ящики. И в одной коробке тушенка.

– Какая тушенка? – не понял Стас.

– Говяжья. В жестяной упаковке.

– Много?

– Полная коробка.

– И все?

– Все.

– А в других ящиках ничего нет? Ты хорошо смотрел?

– Все там перевернул. Местечко, скажу я тебе, так себе. Под мельницей сыро, холодно, окошек там нет, света нет. Если это место использовали как склад, то только в летнее время и только на непродолжительный срок. Там любой товар, какой ни положи, мигом отсыреет и испортится. А уж осенью или весной, там и вовсе воды по колено. Ну, а зимой лютый холод, печки там я тоже не увидел.

Стас пытался сообразить, что все это может значить лично для него. Но в этом ему помешала жена.

Глава 3

Марина вернулась от соседки с угольно-черным котенком, которому предстояло в ближайшее время стать ответственным за сокращение поголовья мышей и крыс, которые очень уж расплодились в округе. Кроме котенка Марина обзавелась еще и ворохом деревенских сплетен.

– В лес больше не ходите! – первым делом распорядилась она.

Саша со Стасом оторопели.

– Почему?

– Какая муха тебя укусила?

– А с того, что места тут гиблые, – заявила Марина. – Соседка мне все рассказала!

– И что она тебе рассказала?

– А то, что ни год, кто-нибудь у них в лесах обязательно пропадает или гибнет.

– Кто пропадает? – нахмурился Стас.

– Кто гибнет? – поддержал его Саша.

– Люди! Мужчины!

– Как же так?

– Да вот так! Вот хоть взять старика, который жил в нашем доме. Тебе, Стас, дом его сын продавал. Что он тебе про отца сказал?

– Сказал, что тот умер.

– А как умер, не сказал?

– Нет.

– И правильно, что не сказал. А то ты, чего доброго, передумал бы у него дом покупать.

– Почему это?

– Потому что старик был охотником, собак постоянно держал, места эти знал, как свои пять пальцев. И то не уберется! Заблудился и погиб. Тело его лишь спустя месяц другие охотники в болоте обнаружили. И случилось это не где-то далеко, а совсем поблизости. Тут в нескольких километрах в лесу есть развалины старой мельницы, вот там-то несчастье и случилось.

– Наверное, ему с сердцем плохо стало или инсульт, – предположил Стас. – Хозяин говорил, что отец его до восьмидесяти двух лет дожил.

– И дольше бы прожил, потому что ни на сердце, ни на давление, ни на сосуды никогда не жаловался! Да вот пошел в лес и там смертушку свою нашел. И не он один, между прочим! Тут до фига народу пропало! Только за последний год три человека! Тот дед, у сына которого ты дом купил. Он еще зимой погиб, тело весной нашли, когда снег стаял. А следом за ним двое приезжих охотников пропали. Те были и вовсе молодые ребята и здоровые, а тоже пропали ни за что ни про что. Завела их лесная девка в самую трясины, так и погубила.

– Какая еще лесная девка? – оторопел Саша.

– Это у местных есть такое поверье, что живет в лесу девка, которая очень до мужиков охоча. Что молодой, что старый, всех к себе в гости тянет.

Саша неожиданно развеселился:

– А женщины, выходит, ни разу не пропадали? Не интересуется ими лесная девка?

– Не понимаю причину твоего веселья, – сурово отозвалась Марина. – А на вопрос ответу так, нет, женщины не пропадали. Но они далеко в лес и не заходят, боятся. Собирают ягоды по своим местам, поодиночке или даже по двое в лес не ходят. Если идут, то большими компаниями стараются. Ну и далеко никто из них не заходит. А мужики ходят. Конечно, вы же у меня оба охотники, вам же все неймется. Дома спокойно посидеть не можете, вас все в лес тянет на погибель к этой лесной девке!

Марина выглядела откровенно расстроенной.

– Ты не волнуйся, все будет хорошо, – попытался утешить ее Стас.

– Как же! – всхлипнула Марина. – Волнуйся теперь за вас. И зачем мы только сюда приехали!

– Мы же с Сашкой ходим. И Барон с нами.

– Я и раньше переживала, когда ты в лес уходил, а теперь... я представляю! Ладно, Сашка сейчас с нами живет, вдвоем все не так страшно. А когда он уедет? Что мне делать? Я же с ума сойду!

И Марина совсем уж горько расплакалась.

– Мне сейчас кажется, ты специально такое место выбрал, чтобы иметь возможность от меня на тот свет свалить. Не любишь ты меня! Совсем не любишь!

От потоков женских слез у мужчины есть один выход – бегом и подальше. Лучше всего на улицу.

Стас так и сделал. Удрал от рыдающей жены, а следом за ним выбрался и Саша.

Они присели на бревнышко, которое лежало за домом, и задумались, глядя на то, как закатные лучи солнца окрашивают лес в необычно красновато-оранжевые тона. Казалось, что над лесом полыхает и переливается пламя небесного пожара. Красота была такая, что дух захватывало. Но ребятам было не до нее.

– Ну что скажешь? Серьезно это она насчет того, чтобы нам в лес не ходить?

– Ох не знаю.

– Может, до утра еще переменится у нее настроение.

– Это вряд ли. Или ты свою сестру не знаешь? Единственный выход спасти положение – доказать ей, что никакой опасности не существует.

– Да? И как ты это сделаешь, если в лес нам с тобой ходить запрещено?

И они снова помолчали.

– Сеть, капканы, ключ, мельница... Тебе не кажется, что старый хозяин этого дома имел какое-то отношение к тому подземелью под мельницей?

– Ну, коли ключ, который у него был, подошел к замку на мельнице, то, наверное, ты прав.

– А что говорил сосед по рации?

– Кто?

– Ну этот... Денис.

– А! Он сегодня собирался поехать к своему сообщнику.

– Сразу уж и сообщнику.

– А как еще назвать человека, который что-то прячет в лесу, в котором то и дело пропадают люди.

– Думаешь, эти две вещи связаны между собой?

– Ну, наш-то старик погиб. А у него в сарае хранился ключ, который подошел к замку тайного схрона в лесу. И погиб он неподалеку от этого схрона. Узнал, наверное, что-то не то, вот и погиб.

И свояки помолчали. У обоих на уме была одна и та же мысль. Но каждый ждал, чтобы другой высказал ее вслух.

Так они сидели и молчали, но стоило загудеть двигателю машины соседа, как оба наших сыщика вскочили на ноги и бегом припустили к тому месту, где оставили свое собственное средство передвижения.

Проследить за подозрительным соседом – вот была та мысль, которая заставила их двигаться столь проворно. И они успели вовремя. Соседская машина как раз нырнула с горки, скрывшись за пологом небольшого лесочка, через который можно было выехать из деревни.

– Далеко не уедет, дорога тут в большой мир только одна.

– Ага!

Вот и они следом за внедорожником съехали в низкую ложбинку. И как только ветви елей сомкнулись над ними тесным пологом, Стасу стало не по себе. Сколько бы раз он ни проезжал по этому месту, всегда ему чудилось в нем что-то зловещее. Широкая на подъеме дорога тут почему-то сужалась, еле-еле могла протиснуться одна-единственная машина. Легковушка еще с грехом пополам как-то проезжала, а вот водителям грузовых машин приходилось здорово попотеть, чтобы преодолеть этот узкий участок пути.

Но Сашу такие мысли не смущали. Он лишь ругнулся, когда их машина чуть было колесом не угодила в вязкую грязь, которая, несмотря на жару, не спешила тут высохнуть. К счастью, дальше дорога вновь пошла на подъем и расширилась, а вскоре они оказались на грунтовке. Это был перекресток, и отсюда дорога уже шла в две стороны.

– Где же он? Куда поехал?

Налево был тупик, но в нем располагалась деревня Силино. Деревня там была всего одна, но зато большая, в ней даже имелся свой собственный магазин.

Если повернуть направо, то вдоль дороги можно было насчитать великое множество деревенок, но все они были совсем крохотными. И все же их было много, а Силино было всего одно.

Друзья попытались разглядеть следы на грунте, но в этом месте он был таким плотным и слежавшимся, что мог сказать не больше асфальта.

– Голосую за многих.

Повернули направо и поехали, бдительно поглядывая по сторонам, не видно ли где-нибудь темно-зеленого внедорожника. Машину не увидели, да еще, проехав пяток деревенок, наткнулись на автомобильный затор, что в этих местах было равносильно чуду.

Затор был совсем маленьким, всего три машины, но и это было удивительно. Оказывается, впереди велись ремонтные работы, там двигался дорожный комбайн, из пуза которого прямо в дорожные ямки тонкой струйкой лилась горячая асфальтовая крошка. Этот агрегат и перегораживал дорогу, создавая собой пробку.

Саша подошел к последнему в очереди водителю.

– Не повезло, да?

– Ждем, когда этот красавец до перекрестка доедет, там мы его обойдем.

– И давно стоите?

– Лично я минут десять. Остальные подольше.

– А темно-зеленого внедорожника тут не было?

– Не видел.

Пришлось повернуть обратно. Теперь ехали медленно, поглядывая по сторонам в три раза внимательней.

– Надо было в Силино ехать, – переживал Стас. – Я как чувствовал, что этот тип туда подался.

Стоило Стасу произнести эту фразу, как знакомый внедорожник вывернул на дорогу прямо перед ними. Случилось это возле большого двухэтажного деревянного дома, судя по бедственному состоянию своего фасада выстроенного тут явно еще на заре прошлого века. То ли пансионат, то ли деревенская школа, понять было трудно.

От неожиданности друзья затормозили.

У внедорожника открылось окно, и оттуда высунулась лохматая голова.

– Привет, соседи! – поздоровался с ними водитель.

На висках у него уже пробивалась седина, но лицо было довольно молодым, а глаза цепкими.

– Забыли чего?

Твое какое дело! Тебя спросить забыли!

– А то смотрю, катаетесь вперед-назад.

Значит, он видел, как они проехали по дороге!

– Катаемся, – как можно дружелюбней и спокойней ответил Саша. – Местами вашими любимы.

– Да, места у нас красивейшие, – согласился сосед. – Только чего так быстро назад повернули?

– Там впереди ремонт дороги ведется, поэтому назад и решили вернуться. Чем там в пробке стоять, хотели поближе это строение рассмотреть.

Водитель как-то приуныл, словно бы не получилось ему подловить друзей. А Саша про себя отметил, что нужно им держать ухо востро с этим типом.

– Интересная архитектура, – продолжал он разговор с соседом. – Не знаете, что это за здание?

– Отчего же не знаю, напротив, хорошо знаю, – откликнулся тот неожиданно охотно. – Дом этот был построен на пожертвование здешнего помещика господина Кособокова, и в нем содержался приют для несовершеннолетних сирот. В ту пору по губернии пронеслась эпидемия, которая унесла жизни многих людей. Многие дети остались без попечительства взрослых, и помещик выстроил для них этот приют. В советское время приют был перепрофилирован в санаторий, потом тут размещался дом отдыха. Сами видите, место красивейшее. Берег озера, лес вокруг. По тем временам в доме были все удобства, канализация и водопровод. Конечно, со временем все пришло в упадок.

– Но сейчас, как я вижу, в здании ведутся восстановительные работы, – произнес Саша, который разглядел суетящихся рабочих. – Кто их спонсирует?

– Женщина одна, у нее в городе вроде бы цветочный магазин. Она и дала деньги на ремонт и другие работы.

– Зачем же владелице цветочной лавки такой большой дом за городом? Уж не жить ли она в нем собирается?

– Не знаю.

Сосед поднял стекло и тронул свой внедорожник с места. Словно утратив интерес к друзьям, он даже не стал с ними прощаться, а лишь махнул рукой. Внедорожник быстро удалялся и вскоре свернул с дороги там, где был поворот на Борки.

– Домой поехал.

– Вот тебе и Силино. Обыскались бы мы его там.

– А что ему тут могло понадобиться?

– Думаешь, тот тип, с которым наш соседка хотел встретиться, тут обитает?

– Надо посмотреть, что это вообще такое.

Машину друзья оставили у дороги, а к зданию пошли пешком.

Восстановительные работы тут шли полным ходом. Здание было огорожено лесами, первый этаж был уже почти закончен, а вот на втором еще суетились рабочие.

Как и всюду в матушке России, строительство тут поручили рукастым среднеазиатским ребятам. Все они были людьми молодыми, а потому выросшими уже в постсоветскую эпоху и владеющими великим и могучим на очень примитивном прямо-таки плачевном уровне.

– Нет бригадира! – жалобно заклинали они друзей. – Ушла! Бригадира потом нет! Совсем! Завтра приходи!

Вид у них при этом был такой трагичный и скорбный, мол, и рады бы вам помочь, добрые люди, но не имеем такой возможности, что как-то хотелось побыстрее оставить этих невольных страдалцев в покое. Но на попытку пройти внутрь здания строители разразились еще более жалобными воплями:

– Нет! Нельзя! Опасна там!

И жестами показывали, как деревянные перекрытия рушатся на головы друзей. При этом дом выглядел уже вполне крепким, по крайней мере, войти на первый этаж можно было без явной угрозы для жизни. Полы там были настелены, стены выровнены, что было видно даже

через новенькие стеклопакеты, и надо полагать, что и с потолком тоже проблем бы не возникло. Но по какой-то причине рабочие наотрез отказывались пропустить друзей внутрь.

– Завтра! Нет бригадира! Потом приходи!

Ничего больше от них добиться так и не удалось.

Впрочем, да здравствует интернет! В сети нашлось сообщество здешних мест, которое вел краевед-любитель по имени Ефим. Он в своем сообществе и выложил информацию о здании бывшего приюта на берегу озера Черное, возле которого забуксовали наши друзья. В принципе, они и так уже многое узнали об этом месте. Но имелась в истории с приютом одна любопытная деталь, эдакая вишенка на торте, которую сосед на внедорожнике то ли утаил от друзей, то ли и сам о ней был не в курсе.

Когда приют был достроен, дети заселены и все вокруг на какое-то время вздохнули с облегчением, в губернии вновь вспыхнула эпидемия. В этот раз мор дошел и сюда, в приют. И несмотря на медицинскую помощь, которую своевременно оказывали воспитанникам и воспитанницам, многие дети скончались от тяжелой заразы.

Что это была за болезнь, определить никто не брался. Тогдашняя медицинская наука не позволяла делать точные анализы, ни один известный микроб не был выявлен, так что докторам приходилось ориентироваться на внешние проявления при диагностике болезни. А они у всех пострадавших были одинаковы – высокий жар, который невозможно было сбить никакими средствами, сильный кашель и мелкая красная сыпь, которая вначале выглядела безобидной, но росла, множилась и, в конце концов, покрывала буквально все тело больного, образуя единую спекшуюся корку, из-под которой сочились гной и сукровица.

На этом месте Саша прервал свое чтение, ему требовалась передышка, чтобы отдышаться от ужасов, которые творились в этих местах еще какую-нибудь сотню с небольшим лет назад.

И Стас прокомментировал услышанное:

– В общем, история вполне заурядная, детская смертность в те годы всегда и всюду была высокой и в приюте тоже. Но и это было не странно, учитывая скученность большого количества детей в замкнутом пространстве и уровень тогдашней медицины.

– Слушай, что у них случилось дальше. Когда мор достиг своего апогея и спасения, казалось, ждать было неоткуда, все больные вдруг разом и совершенно внезапно выздоровели.

– Как так? В один день?

– В одну ночь.

– Удивительно, – покачал головой Стас. – Похоже на сказку. Ты уверен, что этот краевед в самом деле ученый-историк, а не басенник?

– Тут так написано.

– Мало ли что написано.

– Разумеется, церковь тут же поспешила поставить победу над мором в число своих заслуг. Дескать, был отслужен молебен у чудотворной иконы, она и помогла исцелить детей. Но среди местных жителей ходила другая версия. Молебны служились и прежде, и многократно, да никакого толку от них не было. А вот как лесной девке сделали подарок, так все сразу и наладилось.

– Подарок? Лесной девке? Той самой, о которой нас Марина предупреждала?

– Видимо.

– А что за подарок ей сделали?

– Не знаю. Тут не сказано. Написано лишь, что ночью презент был преподнесен, а наутро все больные, даже самые безнадежные, которым доктора совсем не давали шанса, оказались здоровы. И сама болезнь ушла, и больше про нее никто не слыхивал.

– Конечно, – проворчал Стас, – потому что потом пришла советская власть, которая, помимо всеобщей грамотности населения, установила еще и повсеместную вакцинацию. Не

говоря уж про электрификацию всей страны, когда в самые дальние и забытые богом деревни пришла «лампочка Ильича».

– Про это в статье нет ни единого словечка, – возразил Саша. – Да и дело происходило еще за десятки лет до прихода власти большевиков. Здание детского приюта – ровесник прошлого века, а эпидемия случилась через год после открытия приюта. Собственно, эта эпидемия мучила губернию долго и не один год. Но всякий раз после подарка лесной девке на какое-то время болезнь утихала, чтобы потом разгореться с новой силой.

– Но не в тот последний раз? Что же за подарок они преподнесли лесной девке, что она согласилась замять эту историю с мором навсегда?

– Информации об этом не сохранилось. Но если хочешь, можем съездить к этому симпатичному чувачку, – предложил Саша, показывая фотографию молодого мужчины в очках и с бородкой. – Как я понимаю, он работает тут неподалеку в музее-усадьбе семьи здешних помещиков Кособоковых.

– Съездим, но не сегодня.

– Да, сегодня уже поздно, – согласился с ним Саша.

Так и вернулись они домой несолоно хлебавши, но зато целые и невредимые.

Глава 4

Впрочем, порадоваться этому было некому.

Марина их встречать не вышла. Видимо, снова сидела в гостях у кого-то из соседок. Зато из дома выскользнул котенок. Он ловко преодолел высокие ступени крыльца и оказался на лужайке перед домом.

Барон кинулся к новому обитателю, но котенок не обратил на него никакого внимания. Прижав для порядка уши и припав к земле, он тут же вскочил на все четыре лапки и отправился исследовать окрестности дома.

Как ни мал был этот кошачий детеныш, но он ни чуточки не боялся Барона, даже зашипел на него, когда пес сунулся знакомиться слишком близко.

Барон на такое поведение своего нового знакомого не обиделся, отпрыгнул в сторону, припал грудью к земле, завил хвостом и залаял, призывал дружить.

Обычно кошки от такого оглушительного шума старались держаться подальше, но котенок не дрогнул. Стоило Барону отодвинуться, как он невозмутимо продолжил свой путь.

– Может, котенок Маринку отвлечет?

– Или новый диван, – подхватил Саша. – Он ведь уже завтра должен приехать!

Но ни диван, ни котенок не отвлекли Марину от ее главной задачи – не пускать двух самых дорогих в ее жизни мужчин в страшный лес, окружавший их со всех сторон. Муж и брат отныне должны были сидеть возле Марины или находиться где-то поблизости, в пределах слышимости, а еще лучше видимости.

Разумеется, мужчинам это категорически не нравилось.

– Будь твоя воля, ты бы нас к себе на поводки пристегнула.

– И пристегнула бы! Потом еще спасибо бы мне сказали, что уберегла вас от лесной девки!

– Марина, ты же взрослый серьезный человек, начитанная и культурная барышня. Как ты можешь верить в эти деревенские страшилки?

– Все тут в нее верят. Все! Говорят, что эта молодая женщина должна была выйти замуж, да только с женихом ее что-то случилось, погиб он. Осталась она незамужней, крыша у нее на этой почве поехала, да и кинулась она в озеро, где и утонула.

– Марина, это же сказка.

– Легенда! И она в этих краях не первый год бытует. Не вы ее начали, не вам ее и прекращать! В чужой монастырь со своим уставом не лезут! Если местные опасаются развалин мельницы, значит, есть на то причина.

– Значит, она в озеро возле мельницы сиганула?

– Не знаю. Это давно было.

– А женихом у нашей девицы, наверное, был мельник или сын мельника. И с тех пор у лесной девы с этим местом связаны сентиментальные воспоминания, вот она там и тусуется.

– И всех тех, кто дерзает потревожить ее покой, жестоко наказывает.

– Или у нее там рандеву с женихом. Тот не приходит, а кто появляется, теми она и довольствуется.

Марина покачала головой:

– Смейтесь, смейтесь, но в лес я вас одних больше не пущу. С вами ходить буду!

И ходила. И других женщин подключила, тех самых соседок, с которыми сдружилась за это время.

Саша со Стасом чувствовали себя страшно униженными, ходить вместе с бабами, которые и леса-то толком не знают. Толкуются на пяточке возле деревни, и грибы, и ягоды, и растения все там собирают.

Одному Барону было без разницы, куда и с кем ходить. Он с одинаковым восторгом мчался впереди женской команды, по пятам у которой уныло тащились мужчины.

Так прошло два дня, а потом Борки потрясла очередная трагедия. Ушла в лес по грибы и не вернулась назад баба Таня, жившая в самом дальнем домике почти на самой окраине леса. Впрочем, пропала-то она еще раньше, это хватились ее лишь через два дня. Нрава старуха была самого строгого, с соседями общалась в основном на уровне поучений и нотаций, а в лес предпочитала ходить в гордом одиночестве. Наверное, поэтому ее хватились далеко не сразу. Может быть, на второй или даже на третий вечер после ее исчезновения люди заметили, что в окнах у бабки Тани не горит свет. Тогда и спохватились.

Приехали спасатели, стали выяснять, когда в последний раз видели старуху.

Местные жители отвечали уклончиво. Характер у старухи был не самый приветливый. Плюс жила на отшибе. Шмыг-шмыг, и баба Таня уже в лесу, никого с собой не зовет, никого не привечает. Когда ушла, когда пришла, это никому неизвестно. И ладно бы еще ушла-пришла, это при желании еще можно было проследить, а вот где бывала и куда в лесу ходила, это вообще тайна за семью печатями.

– У бабки Тани всюду есть свои «места», которые она никому не показывает.

– Противная и жадная старуха! А уж хитрая какая! Ни разу не удавалось проследить, где ее заветные местечки в лесу. Все себе, все одной.

Наверное, что-то в этом было, потому что из леса старуха всегда возвращалась с богатым уловом. Для нее было неизвестно словосочетание «слой белых», она в любое время и при любой погоде всегда приносила из чащи хотя бы парочку крепких красавчиков. Грибы она сушила, солила, мариновала, готовила к продаже, которую осуществлял сын, по выходным приезжавший к матери и вывозивший заготовленную ею за неделю продукцию в город. Бизнес у них шел успешно, копеечка собиралась к копеечке.

Наверное, по этой причине бабка Таня скупилась, ни единого грибочка, ни одной ягодки она никому не давала просто так. Если в обмен, то можно, но ценила свои труды дорого, по городским ценам, так что желающих покупать у нее грибы или ягоды в Борках не находилось.

Так и жила бабка Таня сама для себя и для своего сына.

– Я один раз за ней в лес увязалась, думала, что уж так-то увижу, где она свои грибы собирает, да только где там. Вроде бы вместе идем, а потом она – шась за кустик, и нет ее минут пять. Возвращается, в руках уже охапка красноголовиков. А у меня в лукошке две сыроежки, да и те червивые. А у нее красноголовики, да какие грибы! Все как на подбор! На улице жара вторую неделю, все грибы в лесу червивые до самой макушки, а эта откуда-то крепкие да чистые подосиновики набрала. И ведь сколько с ней ни ходила, так и не смогла ее заветных мест вычислить.

– А как бы хотелось! Она далеко от деревни никогда не отходила, всегда говорила, что в ее возрасте силы надо уже разумно расходовать. И что же? Мы за десять километров идем и назад с корзинкой. А она возле деревни кружок – и тоже назад с корзинкой.

Но неприязнь соседей по поводу грибов можно было еще как-то пережить, хуже было то, что баба Таня ни разу не пожертвовала в храм и здешнему священнику ничего из собранных ею плодов. А это было уже сродни объявлению войны всем своим соседям.

Как поняли Саша со Стасом, здешний батюшка пользовался огромной любовью своей паствы. Прихожанки, в числе которых подавляющее большинство составляли пожилые и сильно пожилые дамы, дружно взяли шефство над батюшкой. По их мнению, он был почти что святым, но в делах хозяйственных соображал не лучше младенца.

Даже хозяйка Матильды и ее приятельница Ганя, хоть то и дело и получали от отца Георгия выговор то за свое неподобающее поведение с мужским полом, то за неумеренное потребление алкоголя, то за курение, то за несоблюдение церковных праздников, все равно

принимали участие в деревенских субботниках. И пожертвования на храм делали, боялись окончательно рассориться с отцом Георгием.

А вот баба Таня ничего и никого не боялась, в том числе и их приходского батюшку. И неоднократно вступала с отцом Георгием в жаркую полемику с криками и бранью «пиявка», «жулик», «за счет трудового народа живешь», за что бывала осуждаема всеми своими соседками.

Все прочие бабки своему кумиру не просто несли дары, они и огород ему в порядке помогали содержать. И с садом помогали управиться. И в храме помогали чистоту и порядок поддерживать.

Ну, то есть как помогали, просто брали и все за батюшку делали сами и по собственной охоте. Ну, то есть как по собственной охоте, были и тут некоторые моменты, но делали. А вот бабка Таня категорически не желала идти на поводу у общественности.

– Не желаю я этого дармоеда содержать! Сколько лет без указки попов жили, и все было прекрасно! Ни богатых, ни бедных среди нас не наблюдалось, как родные братья и сестры жили. А как попы вновь власть в свои руки взяли, так и богатые, словно грибы после дождя, полезли. А богатым того и надо, чтобы священников и храмов было побольше. Должен же кто-то их грехи в тех храмах отмаливать, вот они и стараются, заморят сотню-другую рабочих, а на эти деньги крест золотой на храм водрузят. Вроде бы благое дело сделали, вроде бы и не просто так людей на своих фабриках-заводах гнобят! Попы только богатым нужны. А я человек трудовой, мне грехи отмаливать не нужно. Что мое, за то перед Господом отвечу, а слуг его мне кормить не потребно, себя бы и свою семью прокормить.

Прочие бабки пытались вразумить отступницу ветхозаветными цитатами, в которых говорилось, что священник – брат твой, ни сеять, ни пахать, ни скотину пасти ему не нужно, его работа – молиться за весь народ, а народу за такую службу полагается десятую долю от всего, что дает человеку господь, принести надобно священнику. Но бабка Таня держалась твердо. И даже увещевания, что за каждую малую толику господь воздаст в сотни раз более, старуху не вразумляли.

– Пусть молится! Разве я ему запрещаю? Крышу у себя на доме кроет и молится. Картошку на своем поле копает и опять молится. Крыльцо при храме белит, снова молится. Так ему и к чужим услугам прибегать не надо, и порядок и в доме, и в огороде, и в храме будет такой, что любо-дорого. А то крышу ему мужики ваши перекрыли. Картошку Шура с Томой выкопали. Крыльцо Наталья с Трофимом подчистили. А где батюшка в это время был? В город умотал, дела у него там были. Снова, получается, не молился?

– Темная ты женщина! Он за всех нас старается. Знаешь, сколько порогов обойти нужно, сколько поклонов положить, чтобы получить деньги на дальнейшую реставрацию храма.

– Для нашей деревни и одной маленькой часовенки бы за глаза хватило. Зачем храм на три придела отстраивать заново? Когда в этих местах деревня на деревне стояла, тогда понятно, в праздничные дни в храме люди не помещались. А нынче что? Народу вокруг ни души, даже в нынешнюю Троицу храм полупустой стоял. Мимо проходила, видела. Про Пасху я и не говорю, она в такое время бывает, когда сюда из города никто и носа не кажет. И к чему храм заново возводить? Для кого? Вы тут последнее от себя отрываете, а приходской глава наш богатеет с каждым днем!

И напрасно ей возражали, что лично для себя батюшка Георгий никаких благ не ищет. Все, что он делает, делает на благо епархии.

– Пусть делает! Вы-то тут при чем? И я? Мне храм не нужен! И попы тоже без надобности!

В общем, бабка Таня упорно выбивалась из общего благочинного поведения. Как ее ни уговаривали, она не желала обожать деревенского батюшку и при случае всегда награждала

его весьма нелестными эпитетами. Но отец Георгий, надо отдать ему должное, никогда до ее уровня не опускался.

Самое большее, что мог сделать, с легкой ехидцей в голосе ответить на все упреки в жадности и хитроумности:

– Всяк по себе меряет, матушка.

Бабка Таня от этого сердилась на попа еще сильнее, потому что и впрямь, сказать уж правду, была скуповата.

И вот теперь эта строптивая бабушка Таня затерялась где-то в лесу.

Как только эта новость облетела деревню, так сразу же возле отца Георгия собралась толпа его верных почитательниц.

– Вот бог ее и наказал, да, батюшка? – спрашивала одна из старушек, льстиво заглядывая в лицо священнику.

Но отец Георгий и тут показал себя на высоте, не упустил случая прочитать небольшую проповедь.

– Все в руках божьих, помолимся, чтобы помог нашим доблестным спасателям отыскать в лесной чаще след заблудшей своей рабы Татьяны.

– Будет другим острастка, чтобы не болтали про вас лишнего!

– Если господу будет угодно, то выберется Татьяна из этой беды. Ни вы, ни я судить ее не можем. Со своей стороны, я буду за нее молиться. Да и все мы должны немедленно пройти в храм и помолиться там перед образами о благополучном разрешении этого происшествия.

– Как же так, батюшка? – возмутился кто-то из женщин. – Она про вас гадости говорила, нас дурами и тряпками обзывала, а мы за нее молиться станем? Пропадет, туда ей и дорога!

– Негоже ты говоришь, Мария. Имя-то у тебя какое, а такими рассуждениями ты его позоришь. Что Татьяна говорила, за то ей бог судья. А мы своим ближним только добра желать можем. Помолимся, чтобы господь вернул нам Татьяну живой и вразумленной, чтобы отступила от нее жажда наживы, стала бы она одной из сотен овец стада божьего.

И батюшка в сопровождении своих верных почитательниц отправился в храм. А спасатели начали прочесывать лес в окрестностях деревни.

Под общий шум Стасу с Сашей тоже повезло, им удалось удрать от Марины.

– Мы же не одни идем, мы со спасателями идем. Или ты и спасателям тоже не доверяешь?

– Как бы вас самих спасти потом не пришлось.

Но отпустила.

Спасатели добровольным помощникам обрадовались.

– Странные дела в вашей деревне творятся. В других местах все местные вперед нас бегут, пропавшего человека искать помогают. Дня два-три точно всем гуртом суетятся, потом, конечно, у каждого свои дела находятся. А тут первый день поисков и никаких помощников, кроме вас, нет.

– Вот же еще ребята, – указал Саша на нескольких молодых ребят.

– Это наши постоянные волонтеры. Они из общества поисковиков, которые на добровольных началах заблудившихся стариков по области ищут.

– Почему обязательно стариков?

– Так молодые, те ориентируются на местности лучше, а со старичками – беда. Они, старички и старушки, уже многие и соображают плохо, а в лес все равно их тянет. Идут, а дорогу назад найти не могут. Опять же телефонами мобильными не пользуются, иные вовсе не понимают, как эти штуки работают, другие их берегут, дорогая же вещь, и в лес с собой потому не берут. Спички с собой взять, по их мнению, лишняя морока или просто забывают. В результате ни сигнал подать, ни костер разжечь, чтобы ночью погреться, они не могут. Силы рассчитать

не умеют, забредут, а назад выбраться уже никак. Знаете, сколько мы таких старушек только за последний месяц из леса вывели? Десятки!

– Молодцы!

– Но дело-то в другом. Всюду нам местные стремились помочь, показывали, куда запропастившиеся бабушки чаще всего любили ходить, а тут как метлой смело. Кроме вас двоих и нет никого из помощников.

– У пропавшей бабушки характер был не сахар. И в лес она предпочитала одна ходить, чтобы заветных местечек никому не показывать. Говорили, что долго в лесу никогда не задерживалась, значит, и местечки у нее где-то поблизости от деревни были. Но где именно, никто не знает.

– Что же, будем искать сами.

Саша решил использовать подходящий момент и спросил:

– Скажите, а правда, что возле нашей деревни в лесу заблудилось и без вести пропало несколько человек охотников?

– Конкретно возле вашей деревни только два человека пропало, конечно, если мне память не изменяет.

– А были и еще?

– Были, – коротко ответил спасатель.

– Мужчины? Молодые?

– Да.

Спасатель отвечал неохотно. Тема казалась ему скользкой, и Саша догадывался почему. Если поддержать разговор, то придется упомянуть и про лесную девку, которая заманивает в свои владения молодых сильных мужчин. А легко ли спасателю признаваться в таких вещах, ведь он человек служивый и при исполнении.

– А где те двое потерялись?

– Их следы возле развалин старой мельницы закончились. Такое впечатление, что они оттуда по воде ушли, хотя те, кто их знал, утверждают, что в тот раз никакой лодки у них с собой не было. Но мужики молодые, далеко могли уйти. А ваша старушка где-нибудь поблизости плурует. Сначала попробуем с собакой ее найти, а там по-смотрим.

Собака у спасателей была небольшой овчаркой с длинными ногами и гибким подвижным телом. Рыжая шерсть, блестящий нос, карие глаза – этого было достаточно, чтобы любвеобильный Барон немедленно почувствовал к Агате, так звали прекрасную суку, сильнейший прилив страсти.

Он крутился возле нее, всем своим видом показывая, что он парень что надо. И если красавица Агата уделит ему совсем немного своего внимания, хотя бы просто на него посмотрит, то никогда не раскается.

Но все было напрасно. Агата была ответственным работником. Она знала, что сюда ее привезли не развлекаться, а дело делать.

Опустив нос к самой земле, она побежала по лесной тропинке. Спасатели и Саша со Стасом заторопились за ней.

Агата далеко от деревни не убежала. На некоторых пятачках она задерживалась подольше, некоторые полянки обегала по кругу, явно копируя поведение бабки Тани.

На одних полянках виднелась густая россыпь лисичек, другие радовали пуговками маслят, в третьих удавалось прямо с ходу увидеть пару-тройку крепких белых груздей.

– Вот хорошо! – радовался Стас. – Даже если мы бабку и не найдем, то все ее места заветные наши будут!

И в ответ на укоризненный взгляд Саши пожал плечами:

– А чего такого? Не пропадать же добру! А тут гляди, даже рыжики есть. Я страсть как люблю рыжики.

Но Агата не стала задерживаться возле рыжиков, она побежала дальше. И внезапно зарычала.

– Стойте! Собака что-то нашла.

Агата нырнула в кусты, откуда раздался ее лай. Спасатели поспешили за ней, но обнаружили лишь брошенную корзинку.

– Это лукошко бабы Тани! – произнес Саша, которому удалось повертеть корзинку в руках. – Соседки рассказывали, что старуха знает много всяких ремесел, в том числе умеет плести корзины, и для себя любимой сплела с собственным именем.

На боку из веточек другого цвета и впрямь было имя «Татьяна». На дне корзинки перекатывались темные ягоды. Видимо, когда-то тут был дом, а вокруг дома сад, потому что до сих пор одичавшие кусты черной смородины были усыпаны необычайно крупными и даже на вид сладкими ягодами.

– Надо же! – удивился один из спасателей, подняв корзину повыше. – Вокруг полно смородины, а старуха какой-то дряни набрала!

В корзине на самом дне перекатывались темно-синие, почти черные ягоды.

Саша сперва решил, что это мелкая черника, которая от долгого лежания лишилась своего сизого налета, но потом понял ошибку. В корзине была совсем другая ягода под названием вороний глаз, ягода весьма ядовитая, об этом знает даже ребенок.

– И зачем она ее набрала? Неужели не знала, что этой ягодой отравиться можно?

Последнее было весьма сомнительно. Баба Таня всю жизнь прожила на природе, эти места знала как свои пять пальцев. И конечно, она умела отличить ягоду полезную от вредной.

– Умереть от этой ягоды не умрешь, но живот поболит изрядно. Похоже, ваша баба Таня решила от слов перейти к делу. Жители ее ругали, а она решила немножко их отравить. Вот только интересно, для кого конкретно бабулька эти ягодки собирала?

Саша оглядывался по сторонам. Они отошли от деревни где-то на полкилометра, но вокруг был настоящий лес. Хотя раньше в этом месте жили люди.

Сперва Саша увидел фундамент одного дома, но чуть дальше разглядел печную трубу еще одного дома, потом еще и еще. И растения подсказывали, что когда-то тут жили люди. Росли старые яблони, одичавшие, но все еще живые и сохранившие на стволах прививку – плод работы умелого садовода. Помимо смородины был еще и крыжовник и йошта, чьи высокие ветки были сплошь усыпаны уже начинающими темнеть ягодами.

– При такой богатой окрестной флоре сажать у себя на участке перед домом ягодные кустарники просто глупо. Ухаживай за ними, поливай, корми, а тут они сами по себе прекрасно растут, есть-пить не просят, но плоды дают.

– Тут раньше была деревня.

– Лет пятьдесят уже люди не живут. Вон как елки с березами поперли.

Они побродили между развалин старых домов.

Зрелище было печальное. Крыши повсюду провалились, окна были выбиты, все сколько-нибудь ценное из этих домов давно было вынесено. И все же они зашли в каждый дом, обыскали его, чтобы понять, что могло приключиться с бабкой Таней. А в том, что с ней что-то случилось, сомнений ни у кого не оставалось.

– По доброй воле она бы со своей корзинкой нипочем бы не рассталась. Не такой породы баба Таня, чтобы свое добро без присмотра в лесу бросать.

– И заблудиться она тут не могла. Отсюда до Борков рукой подать.

И все же бабки Тани на развалинах старой деревни не обнаружилось. Ни живой, ни мертвой, никакой. Даже Агата, хоть и обегала все вокруг, не смогла найти ее тела.

– Нет тела, это обнадеживает. Значит, бабулька могла отправиться куда-то дальше.

– А корзинку почему бросила?

– Не бросила, а оставила. Наверное, хотела проведать еще какие-то свои местечки, а корзинка ей мешала.

– Это чем же ей почти пустая корзинка так сильно помешала?

– Может, бабка планировала еще ягод собрать на обратном пути, а отошла за парой грибочков. Одно ясно, отсюда бабка ушла своими ногами.

Агата всем своим видом демонстрировала, что нужно идти дальше. Собака не желала стоять на месте, рвалась прочь, звала людей с собой.

– Пойдемте.

Следующий отрезок пути представлял из себя сложную в прохождении местность.

– И чего старуху в такие дебри потянуло?

– Корзину бросила и почесала куда-то... Увидела, может, чего-нибудь?

Но чего или, скорей, кого могла увидеть тетка Таня в лесной чаще? Кто бы это ни оказался, он сильно заинтересовал бабку, если уж она оторвалась от сбора ягод и даже оставила нетронутыми полянки с молодыми грибочками, которые так и просились в маринад или сушку.

Внезапно Агата снова притормозила и заметалась между деревьями.

– Чего это она?

– След потеряла.

Саша присел на поваленный ствол дерева. Он немного подвернул ногу, пока пробирался по кочкам, и сейчас ему требовалась передышка.

Пока он массировал щиколотку, мимо него в панике носилась овчарка, явно недоумевающая, куда же ей двигаться дальше.

Барон хоть и не понимал причины тревоги своей подруги, от нее не отставал. Бегал за ней по пятам, да еще и лаял, увеличивая суматоху.

– Стой ты!

Саша потянулся, чтобы ухватить своего друга за ошейник, и внезапно замер.

В том месте, где он сидел, ветки разросшегося ивняка закрывали обзор. Но стоило ему податься в сторону, как заслон приоткрылся, и Саша увидел полянку, от которой отходила вполне себе удобная дорога.

Забыв про большую ногу, он встал и проковылял в том направлении.

Открывшееся ему зрелище еще сильнее поразило Сашу. В лесу была проложена самая настоящая дорога.

Глава 5

Дорога была, не сказать, что очень широкой, но на машине проехать по ней было вполне возможно. Срубленные стволы березок и осинок заполняли колеи, а елочки буквально выстилали путь, делая его ровным.

– Это кто же сюда на машинах катается?

Но спасатели отнеслись к находке равнодушно.

– Охотники, наверное, проложили, – предположил один из спасателей. – Лень им лишних три шага в лес сделать, вот и стремятся на машинах поглубже заехать. А что зверь от вони бензина и шума двигателя на два дня во все стороны разбегается, об этом не думают. Приедут, водки напьются, вот и вся охота. Потом еще жалуются, зверя нет. А откуда же ему взяться? Зверь не дурак, он шума и незнакомых запахов остерегается.

– Если по этой дороге кто-то ездит, то он мог подобрать бабку Таню.

– Старухе девятый десяток, кому она сдалась? Ладно бы молодую женщину увезли, там интерес понятный. А с древней бабки какой прок?

– Может, бабушке плохо стало. Инсульт или инфаркт. Добрый человек ее и подобрал.

– Чего же она тогда со своим инфарктом прочь от деревни почапала?

– Могла из-за приступа потерять чувство ориентации в пространстве. Сил хватило только на то, чтобы выбраться на эту дорогу.

– А тут ее кто-то подобрал, потому и собака след потеряла!

Владелец Агаты обрадовался:

– Точно! Если старуху на машине увезли, Агата физически не может удержать след.

– Но в каком направлении увезли бабушку?

Никто не мог объяснить, что это за дорога и куда она ведет. Ни на каких картах она не была отмечена.

Вот тут бы игодились местные, но бежать за ними было слишком далеко. Проще было пройти по дороге и посмотреть, куда она ведет.

– Мы направо, вы налево!

Барон какое-то время с тоской смотрел вслед Агате, которая убегала за своим хозяином. Потом встряхнулся и тоже потрусил следом за Сашей. Но все-таки Агата произвела на Барона слишком сильное впечатление, пес то и дело останавливался, оглядывался, но убедившись, что изменений к лучшему в его личной жизни не предвидится, по крайней мере в ближайшее время, вновь спешил за хозяином.

Шли они минут десять.

Было ясно, что этой дорогой частенько пользуются. Тут и там виднелись следы колес, срубленные деревья местами совсем ушли в болотистую колею, и на них сверху были навалены новые деревца. За дорогой следили, за ней ухаживали и делали это постоянно.

– Впереди вода.

Саша тоже различил заблестевшую между стволами деревьев воду.

Еще немного, и они вышли на берег озера.

– Наше?

– Нет.

– Откуда знаешь?

– Лилий не видно.

И впрямь, в этом озере цветов не было. Да и размерами оно было значительно меньше.

Саша сам понял ошибку, когда огляделся по сторонам.

– Растительности нет. Населения нет.

– А пирс между тем кто-то построил.

Под ногами у друзей был вполне себе крепкий пирс, сколоченный все из тех же поваленных стволов деревьев. Поверх стволов были уложены доски, по которым было удобно ходить.

Саша обвел взглядом качающиеся по берегу ряды елок, пытаясь вычислить то место, куда уплыла таинственная лодка, не так давно пришвартованная к этому причалу.

– Вон там виднеется какая-то протока.

– Озеро не стоячее. Хозяин нашего дома рассказывал, что тут целая сеть рек и озер, которая доходит до города.

– Нам нужна лодка. На ней можно сплавить по окрестным озерам.

– Зачем?

– Поискать по берегу бабу Таню.

Стас с досадой пожал плечами.

– Сдалась тебе эта бабка! Ведь ясно, что с ней все в порядке. Что бы там с ней в лесу ни приключилось, кто-то ее уже подобрал, отвез на лодке в город, где и передал в руки родственников или врачей.

– Родственников – это вряд ли. Когда соседи бабки хватились, то ее родственникам в первую очередь позвонили. Они не знают, где старушка.

– Значит, в больнице лежит! – уверенно произнес Стас. – Без документов, наверное, память отшибло или речь потеряла, себя назвать не может. Надо ее по больницам искать, а в лесу ее нет! Пошли назад!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.